

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д.И. Гулиа

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЛОВЕЦ-СПАСАТЕЛЬ

Документы и материалы

*Составитель и ответственный редактор:
д.и.н., профессор, чл.-корр. АН Абхазии Т. А. Ачугба*

СУХУМ
2012

ББК 75.717+(5Абх) я 45

А 97

А 97 Легендарный пловец-спасатель. Документы и материалы. Составитель и ответственный редактор: д.и.н., профессор, чл.-корр. АН Абхазии **Т.А. Ачугба**. – Сухум. 2012. – 64 с.

В настоящий сборник вошли документы и материалы, освещающие жизнь и деятельность выдающегося абхазского пловца – профессионального спасателя М.Б. Бедия (настоящая фамилия – Бадиа). С его именем связано спасение 4016 жизней, феноменальное спортивное достижение – проплыл 32 морских мили – от Батума до Поты.

Рассчитан на историков спорта, широкий круг читателей.

Рецензент: к.и.н., доцент **С. А. Дбар**

Утверждено Учёным советом Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа.

© Т.А. Ачугба, 2012

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник посвящен Мамеду Бедия, профессиональному пловцу, посвятившему всю свою жизнь спасению утопающих. На его счету 4016 спасённых человеческих жизней. Это фантастический факт. Ещё в начале прошлого века Российским Обществом спасения на водах (далее ОСВОД) Мамед Бедия был награжден золотой и серебряной медалями. В 1926-ом году Общество спасения на водах СССР, «Отмечая самоотверженность, отвагу и мужество, сопряженные с явным рыском для собственной жизни», наградило М. Бедия золотым знаком под №1 «За спасение утопающих». В 1927 году Центральным Исполнительным Комитетом Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республикой Мамед Бедия был награжден Орденом «Трудового знамени», а в 1929 году Центральным Исполнительным Комитетом – «Орденом труда» ССР Грузия и было присвоено высокое звание «Герой труда»¹.

¹ «Герой труда» – почётное звание в СССР в 1927 – 1938 гг., присваивавшееся за особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы, при стаже работы в качестве рабочего или служащего, как правило,

В свое время в средствах массовой информации появлялись сообщения о М. Бедия, но в целом они носили фрагментарный характер и, к сожалению, имя этого легендарного человека не стало достоянием широкой общественности. Более того, о нём мало кто знает в Аджарии, где он жил и трудился и в Абхазии – на его исторической Родине. Нет сомнения, что если бы в прошлом информационная машина в полной мере освещала поистине общечеловеческий и героически труд М. Бедия, заслужившего с раннего возраста прозвище «морской лев» («деныз каплан»), то он прославился бы не только в Российской империи и в Советском Союзе, но и во всём мире, ибо такими достижениями мало кто может похвастаться в мировом масштабе. Думаю, и сама Книга Гиннеса подыскала бы для него почётное место. Конечно, обо всем этом не пришлось бы сегодня писать, если М. Бедия принимал бы участие на соревнованиях чемпионатов страны и мира, в олимпийских играх. Он же просто занимался своим повседневным делом – спасал человеческую жизнь.

Тем временем, киностудия «Грузия-фильм» в нач. 80-х годов прошлого века сняла художественный фильм – «Пло-

не менее 35 лет (СЭС. – М. Издание третье. 1985. С. 295). Кстати, этим же Постановлением звание «Героя труда» было присуждено Д.И. Гулиа. В документе сказано: «Дмитрий Иосифович Гулиа. Общественный и литературный деятель, стаж работы с 1890 года, составил алфавит абхазского языка, имеет труды на русском и грузинском языках, собрал образцы абхазской народной поэзии, основатель первой абхазской газеты». (Газ. «Комунисти». №56, 10 марта 1929. На груз. яз.).

вещ» о некоем «великом грузинском пловце», переплывшем от Батума до Поты. По содержанию картины, не трудно догадаться, что речь идёт о Мамеде Бедия и его подвигах, но, к сожалению, грузинские кинематографы, как и кинокритики, скрыли от широкой общественности настоящее имя, фамилию и национальность героя фильма.

Естественно, данное издание не нацелено на полное освещение жизни и деятельности М. Бедия, а является лишь констатацией тех доступных для нас информации, которые в свое время были собраны автором этих слов в периодической печати или же хранились в семейном архиве прямых потомков М. Бедия.

Мамед Бедия (по-абх. Мамат Бадия) родился в с. Адзюбжа Абжуйской Абхазии (ныне Очамчирский р-н). Его отец Байрам² был родом из с. Акармары, расположенного в верховьях р. Аалдзга, севернее от Ткуарчала. Мать – уроженка с. Адзюбжа из фамилии Делба. По рассказу сына Мамеда – Энвера, отец, живший на самом берегу р. Кодор, с раннего детства научился плавать в этой беспокойной горной реке. Ему было примерно 12-14 лет, когда их семья была депортирована в Османскую империю. Батум, где обосновалась семья Бедия, как и вся Аджария, до 1878 года входили в состав Турции. Махаджирство, как в народе называли депортацию абхазов, оставило глубокие следы в памяти юного Мамеда. Особенно ему

² В официальных документах и материалах часто отчество Мамеда значится как Мола Байрам-Оглы, где «мола, «молла» – видеизмененное арабское слово «маула», что означает служитель религиозного культа у мусульман, а «оглы» – турецкий формант, означающий «сын», «потомок».

запомнились массовая гибель своих соплеменников от голода, холода и морской стихии. Он был неоднократным свидетелем того, как в штормовую погоду морские волны беспощадно выбрасывали на берег Батума трупы абхазских махаджиров – жертв крушения судов, не добравшихся до берегов Турции, или же следовавших обратно на родину. Такие жуткие картины он видел как в 60-е, так и особенно в 70-80-е годы XIX столетия во время массового выселения абхазов из Абхазии. Это были времена, когда современная пресса с огорчением писала: «Абхазов кидают как мяч от нашего порта до порта Турции, откуда их выстрелами из орудия возвращают обратно, и стоят они, эти несчастные, потерявшие надежду и отчаявшиеся, люди меж двух земель»³.

Увидев и пережив эти трагические события родного народа, у Мамеда часто приходила мысль: «неужели нельзя было спасти этих людей». Поэтому в 1884 году, когда в Батумском бульваре была открыта Спасательная станция ОСВОДа России, Мамед, уже опытный пловец, с большим удовольствием принял приглашение работать профессиональным спасателем. По рассказу того же Энвера Бедия, отец работавший на этом поприще более 60 лет и спасший столько людей, перед каждым выходом на спасение утопающего, волей или не волей, вспоминал задушенных морской стихией абхазских махаджиров и с удвоенной энергией боролся за спасение человеческой жизни.

³ Между двух земель. Газ. «Дроеба». 1880, №199. На груз. яз.

М. Бедия со временем восстановил связь со своим родным селом в Абхазии. Он часто сопровождал суда, которые из деревообрабатывающего завода Максимова, расположенного в Адзюбжа, вывозили «красное дерево» в Батум для изготовления спасательных лодок. Мамед попытался вновь обосноваться в родном селе, где проживали его близкие родственники по материнской линии. Но, увы, власти Сухумского округа запретили ему вернуться на Родину. Примечательно, что в результате этих поездок, М. Бедия набрал определённое знание о течениях морских течений, что было умело использовано им в нач. 90-х годов XIX века при совершении знаменитого марафонского заплыва – от Батума до Поты.

Несколько слов о возрасте самого Мамеда. Разные авторы по-разному трактуют его год рождения. Например, в журн. «Огонёк» (25 апреля 1926 г.), написано, что Мамед родился в 1864 году в Батуми, а в газ. «Вечерний Тбилиси» (19 мая 1937 г.) отмечено, что Мамеду исполнилось 73 года, по данным же Энвера Бедия, отцу по документам было 110 лет, когда он скончался в 1953 году.

По нашему мнению, более точную дату о возрасте М. Бедия даёт публицист Е. Воробьёв, который неоднократно встречался с ним и подробно описывал подвиги собеседника. В частности, он пишет, что в 1934 году Мамеду было 82 года. Эта информация сходится с датой приведённой в «Комсомольской правде» от 26 марта 1941 года, где отмечено, что в том году Мамеду от роду было 90 лет. Т.е. в первом случае его год рождения

1852 год, во втором – 1851. По рассказу Энвера Бедия, когда семья отца была депортирована из Абхазии ему было примерно 12-14 лет и они оказались, среди первых депортантов-абхазов из Абхазии. Т.е. есть основание предполагать, семья Бедия была депортирована или в 1864 или же в большей степени в 1867 году. Таким образом, М. Бедия родился примерно в 1852 году как об этом пишет Е. Воробьёв.

У Мамеда были пятеро детей – две дочки и три сына. Старший сын Меджид (1895 г.р.) пошёл по стопам отца – успешно служил спасателем, спас более 600 утопающих; средний сын – Энвер (1915 г.р.) принимал участие на соревнованиях по водному спорту, в 1934 году стал чемпионом и рекордсменом Аджарии по нырянию; младший сын – Руфик, 19-летний юноша (1925 г.р.) погиб на фронте Великой Отечественной войны. С морем связал свою судьбу один из внуков Мамеда – младший сын Энвера – Кемран (1960 г.р.). Он уже более 30 лет является моряком дальнего плавания.

В издании стиль и орфография документов и материалов сохранены.

Примечания принадлежат составителю.

=== ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ===

Спасение на водах 3.989 жизней

Матрос Батумского порта тов. Мамед Молла Байрам-Оглы с 20 летнего возраста работает на спасательных станциях. За 40 лет своей непрерывной работы на водном транспорте т. Мамед спас 3.989 человеческих жизней.

Президиум Центрального Бюро Спасения на Водах постановил войти с ходатайством к Народному Комиссариату путей сообщения об издании соответствующего приказа по НКПС отмечающего работу т. Бедия на пользу человечеству, и о выдаче ему награды в размере месячного содержания.

По профессиональной линии Президиум просит ЦК водников занести т. Мамеда Бедия на Красную доску, как Героя труда.

*Газ. «На вахте» (Орган ЦК профсоюзов
рабочих водного транспорта СССР).
№268, 23 ноября 1924 г.*

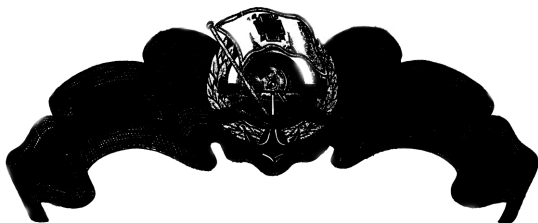
4016 спасённых жизней

Мамед Молла Байрам-Оглы Бедия родился в Батуме в 1864 г. Происходит он из крестьянской семьи абхазцев-мусульман. В 1884 г., 20-ти лет от роду, Мамед поступает матросом в бывшее Российское Общество Спасения на Водах. Этим Обществом он награждён золотой и серебрянной медалями. В настоящее время Мамед состоит матросом-спасателем Аджаристанской Спасательной станции. Этот необычайно искусный пловец с легкостью ныряет на глубину до 15 саж. и может продержатся под водой до двух минут. За всю 42 летнюю службу он спас 4016 человек. Ныне этот герой труда представлен к награде Аджаристанским Комитетом по спасению на водах.

*Журн. «Огонёк». №17 (161),
25 апреля 1926 г.*

ГРАМОТА

Центральный Комитет Спасения на Водах Союза Советских Социалистических Республик, отмечая самоотверженность, отвагу и мужество, сопряженный с явным риском для собственной жизни, проявленные Мамед-Молла-Байрам-Оглы Б е д и я постановил наградить его золотым знаком отличия за спасение утопающих.

Грамота

Центральный Комитет Спасания на Водах Союза Советских
Социалистических Республик, отмечая самоотверженность, отвагу
и мужество, сопряженные с явным риском для собственной жизни,
проявленные Мамед-Мамма-Баайрам-Огли

Бедия постановил
наградить его золотым знаком отличия за спасание утопающих.

В удостоверение изложенного выдана настоящая грамота.

Знак за № 1.

Председатель Центрального Комитета
Спасания на Водах

Г. Мамедов

Начальник Исполнительного

Бюро *Д. Точилин*

Город Москва Октябрь 28 дня 1926 г.

№ 11.

В удостоверение изложенного выдана настоящая грамота.

З н а к №1.

*Председатель Центрального Комитета
Спасения на Водах*

Подпись

Начальник Исполнительного Бюро

*Подпись
Печать*

*Город Москва
Октября 28 дня 1926 г. №11.*

★ ★ ★

СССР
НКПС
Центральный Комитет
Спасения на Водах
6 апреля 1927 г. №644
г. Москва

ГРАМОТА

Тов. Мамед Молла Байрам-Оглы Бедия

Настоящим сообщается, что Постановлением Центрального Комитета Спасения на Водах СССР от 28/X

1926 г. Вы награждены Золотым Знаком за спасение утопающих, каковой за №1 при сем препровождается.

Установленное Свидетельство о награждении Вас указанным Знаком будет прислано дополнительно.

Получение Знака просьба подтвердить.

*За Председателя Центрального Комитета
Спасения на Водах:*

Подпись

*Начальник Исполбюро Центрального
Комитета Спасения на Водах:*

Подпись

Печать

Именем Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, Закавказский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьян, Красноармейских и Матросских депутатов, в воздаяние заслуг тов. Бедия Мамеда Молла Байрама Оглы перед рабочими и крестьянами на поприще мирного труда и во внимание к его выдающейся деятельности на пользу социалистического строительства Республики трудящихся, жалует его Орденом Трудового Знамени Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Началъ Закавказской Социалистической
Революционной Советской Республики
Закавказский Центральнй Исполнительный Ко-
митет Советск. Рабоч., Крестьянских, Красно-
армейских и Народных Депутатов, в восприни-
мание: отъ Федня Мамед Мамед Байрама Озри
передъ расстреломъ и казнью, на похоронъ, импрови-
зируя и въ виду того, что въ настоящее время, нахо-
дясь на территории социалистического государства, Репуб-
лики Грузинской, живетъ въ Осиетии Тфлисского
Губерния Закавказской Социалистической
Революционной Советской Респу-
блики, отъ Федня Мамед Мамед Байрама Озри
имеетъ право посещения, посещения нахичеван-
ской области на своей импровизации

Исполнительный Закавказского
Центрального Исполнительного Комитета

Секретарь Закавказского

Центрального Исполнительного Комитета

4. Мар 1921 года
Мамед Байрам

С. Касимов
Мамед

Товарищ Бедия Мамед Молла Байрам Оглы имеет право постоянного ношения названного знака отличия на левой стороне груди.

*Председатель Закавказского Центрального
Исполнительного Комитета*

Подпись

*Секретарь Закавказского Центрального
Исполнительного Комитета*

Подпись

Печать

*4 мая 1927 года
Тифлис.*

По предложению Саба Орджоникидзе, Пленум единогласно утвердил Постановление Президиума о присуждении звание Героя труда следующим лицам:

3. Мамед Молла Байрам-Оглы Бедия. Моряк. Стаж работы 46 лет. Служил в Обществе Спасения на Водах. Им спасены несколько тыс. человек. Центральным Комитетом Общества Спасения на Водах он награждён Золотым знаком. ЦИКом Закавказской Федерации награждён орденом «Трудового знамени».

*Газ. «Комунисти». №56,
10 марта 1929 г. На груз. яз.*

Именем Грузинской Советской Социалистической Республики, Всегрузинский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьян, Красноармейских депутатов, отмечая заслуги тов. Бедия Мамеда Байрам-Оглы перед рабочими и крестьянами на поприще мирного труда и воздаяния его выдающейся деятельности на благо социалистического строительства Республики трудящихся, жалует его Орденом Трудового Знамени Грузинской Советской Социалистической Республики.

Товарищ Бедия Мамед Молла Байрам-Оглы имеет право постоянного ношения названного знака отличия на левой стороне груди.

*Председатель Всегрузинского Центрального
Исполнительного Комитета Советов
Подпись*

*Секретарь Всегрузинского Центрального
Исполнительного Комитета Советов
Подпись*

Печать

*28 июня 1929 г.
№32.*

ДИПЛОМ

Выдан Высшим Советом Физической культуры при ЦИКе Аджаристана тов. Бедия Энверу Мамедовичу в том, что на Аджаристанском соревновании по водному спорту в 1934 г. показал по нырянию на дальнюю дистанцию 72 метра 20 см. и занял 1-ое место.

*Батуми
22 декабря 1935 г.*

Писатель Новиков-Прибой в Батуми

В Батуми приехал из Севастополя писатель т. Новиков-Прибой.

В беседе Новиков-Прибой сообщил, что в Батуми он намерен изучить жизнь 73-летнего героя труда, бывшего матроса Батумской спасательной станции Мамеда Байрам-Оглы, прослужившего на ней 50 лет и спасшего несколько тысяч жизней. Это послужит материалом для будущей повести писателя из жизни спасательной станции.

Сейчас автор пишет повесть «Капитан первого ранга» – на тему о выдающихся людях к 20-ой годовщине Октябрьской революции.

*Газ. «Вечерний Тбилиси».
№114; 19 мая 1937 г.*

Старейший осводовец

В апреле исполняется 75 лет Освода. Одним из ветеранов этой организации является Мамед Бедия. Сейчас ему 90 лет.

На батумской спасательной станции он проработал 61 год. 4.016 утопающим возвращена жизнь. Ему приходилось спасать людей в шторм и ночью. Стремительность в действиях, огромная сила и опыт в борьбе со стихией всегда помогали Бедия.

Сотни осводовцев Аджарии и Абхазии – ученики Мамеда Бедия. Среди них его старший сын Меджид, спасший 600 человек.

За много лет до мирового рекорда француза Мишеля, пересекшего Ла-Манш, Мамед Бедия проплыл 32 морские мили, отделяющие Батуми от Поты.

*Газ. «Комсомольская правда».
26 марта 1941 г.*

Евгений Воробьёв **Четыре тысячи спасённых** (Очерк)

1

Молодой Мамед Бедия, как сотни других портовых босяков, весь день околачивался на пристани в ожи-

дании работы и спал тут же, на берегу, под перевернутой фелюгой. Сперва, он работал оттяжчиком – так называли портовых бурлаков, которые безветренные дни перетаскивали парусные суда от одной пристани к другой. Но в Батуми немало и ветреных дней, а человек устроен так, что, он хочет есть независимо от погоды и направления ветра.

И вот в один из безветренных, голодных дней оттяжчик Бедия стал портовым грузчиком. Молодому здоровяку была под силу самая тяжёлая работа.

В те давние годы грузчик Мамед таскал на своем куртане плетеные корзины с марганцем, кипы египетского хлопка, ящики с изюмом и сабзой, рулоны подошвенной кожи, тюки с персидскими коврами, кипы солодкового корня, шерсть, туго набитую в большие кули, мешки с жёлтым тростниковым сахаром, но чаще всего – жестяные банки с керосином.

Позже Бедия стал гребцом. Шлюпки перевозили пассажиров с пристаней на суда, стоящие на рейде и обратно, на берег. Весла к концу дня тяжелели в онемевших руках, будто были отлиты из чугуна; казалось, уже никогда не вытянуть ног, не разогнуть спины. Владелец шлюпки получал с каждого пассажира, перевезённого с пристани на судно, сорок копеек. Но едва ли несколько копеек приходилось на долю каждого из четырёх гребцов.

Мамед больше ничего не умел, а гребля всё-таки давала возможность заработать на чурек, сыр, горсть жаренных каштанов и кружку ледяной воды из ручья Соук-Су, которую в жаркие дни продавали водовозы.

Бывало, шлюпка отчаливала и в штормовую погоду. Гребцу случалось вытаскивать из воды тонущих с перевернутой шлюпки, доставать со дна моря поклажу, смытую с фелюги волной, спасать пьяного матроса, опоздавшего к отходу шлюпки и вздумавшего добраться на свое судно вплавь, или спасать самонадеянных купальщиков, ухарски переоценивших свои силы в борьбе с волнами.

Вскоре Мамед Бедия стяжал себе в Батумском порту славу самого ловкого ныряльщика и лучшего пловца. Он знал каждый метр портового берега и рельеф морского дна в бухте, будто измерил все глубины с лотом в руках. Он знал все повадки и капризы штормового моря, всю его соленую подноготную. О смельчаке-гребце с уважением говорили и портовые грузчики, и выдавшие воды рыбаки, и старые морские волки, и завсегдатаи портовых кофеен, и рабочие заводов Ротшильда, Нобеля, Манташева – жестянщики, бондари, паяльщики.

И нет ничего удивительного, что когда в Батуми открыли первую спасательную станцию, Мамед Бедия стал её матросом.

Мамед Бедия начинал вахту с восходом солнца, в тот час, когда смотритель маяка на мысе Бурун-Табие тушил фонарь и протирает фланелью тёплые зеркальные стёкла прожектора. В эту минуту поднимаются флаги на мачтах всех судов в порту и, не отставая от моряков и портовиков, спасатель тоже подымал на мачте станции белый флаг с изображением якоря.

Обычно, Мамед сидел на корме шлюпки, возле будки спасательной станции и с первого взгляда могло показаться, что он беззаботно дремлет или попросту скучает. С какой сонливой медлительностью скручивает он сигарку, как вялы, ленивы его движения.

На самом деле человек с неизменным красным платком на голове⁴ зорко следит за всем, что делается вокруг. Он смотрит на море, полузакрыв глаза, и прислушивается: не раздастся ли приглушенный крик, возглас отчаяния, а во время штиля – подозрительный всплеск?

Со шлюпки, вытященной на берег, хорошо виден городской пляж, облюбованный купальщиками; видно побережье, отрезанное от моря белой чертой прибоя.

И по первому зову тревоги, человек с красным на голове платком бежит босиком по гальке. Он не сводит

⁴ Красный платок являлся знаком отличия первого спасателя среди сильнейших. По общепризнанным правилам, никто другой кроме как М. Бедия, не имел право носить платок красного цвета.

глаз с того места, откуда раздался крик, где, изнемогая, барахтается в воде избитый волнами купальщик или где он был виден в последний раз, до того как скрылся под водой.

В местных газетах, в петитной хронике, то и дело мелькали заметки:

«Молодой человек, оставшийся неизвестным, не обратив внимания на красный сигнал...», «Гимназистка Кнарик Х., шестнадцати лет, переоценив свои силы...», «Одиннадцати летний Шалва Рамишвили, будучи схвачен внезапной судорогой...», «Несмотря на сильное волнение, компания молодых рабочих отчалила на шлюпке от берега. На расстоянии пятидесяти сажен от берега перевернулась...», «Ашот Ароян, приказчик завода Ротшильда, захлебнулся в воде и был отнесён в море сильной волной...» – и т.д. и т.д.

И в конце лаконичных газетных заметок, за которыми скрывалось столько драматических подробностей, очень часто значились: «Дежуривший на берегу спасатель Мамед Бедия бросился в море...». И вот неудачливый купальщик назван в заметке не утонувшим утопавшим, потому, что спасатель вновь оказался чьим-то спасителем!

Человек, вытащенный из воды, лежит на мягкой подстилке. Ему делают искусственное дыхание, от-

*Наблюдательный пункт
Батумской спасательной станции. Нач. XX в.*

качивают воду, которой он наглотался. Постепенно к нему возвращается жизнь. Вот уже на мертвенно-бледных, почти синих щеках появляется долгожданный румянец. Окоченевшее тело согревается, пульс прощупывается, всё, лучше.

В то время, когда другие спасатели и добровольцы из публики возятся с утопавшим, Мамед сушится, сидя на солнышке. Он уже успел отдышаться и свёртывает сигарку.

Расходятся зеваки, уходят добровольцы, которые возились с тонувшим, наконец, уходит и сам несостоявшийся утопленник. И только запись в книге спасательной станции, подписи свидетелей, а иногда подпись самого утопавшего, сохраняет память о происшествии, которое едва не стало трагическим. А Бедия вновь наденет просохшую красную косынку, и по-прежнему будет нести свою вахту.

Последняя запись в книге спасательной станции, когда помощь утопавшему оказал Мамед Бедия, сделана в августе 1934 года.

В тот год старшим матросом ОСВОДа на Приморском бульваре Батуми служил Меджид Бедия, сын Мамеда.

Как-то Меджид отлучился со спасательной станции – может быть его дежурство уже окончилось и пришло время спускать белый флаг над будкой, а может быть его обеспокоили неосторожные купальщики поодаль.

На месте Меджида остался его отец. Престарелый спасатель проводил все свободное время у моря.

Старик в трусах, с красной косынкой на голове, сидел на борту спасательной шлюпки и посасывал сигарку. Лицо у него по самые глаза заросло седой щетиной и космы седых волос выбивались на висках из-под косынки. Глаза по-старчески слезятся на ветру, но они не потеряли дальновзоркости. И слух тоже не притупился.

Вот до него доносится приглушенный крик. Голова купальщика скрылась под водой и больше уже не показывается.

Старик бежит по прибрежной гальке. Он не сводит глаз с того места, где в последний раз был виден купальщик. Старый Мамед решительно бросается в воду, плывёт, ныряет и скоро неосторожный купальщик оказывается на берегу.

Потом он очнулся, оделся, смущённый толпой любопытных, свидетелей происшествия. Неужели он обязан жизнью этому вот жилистому, сухопарому старику?

Неосторожный купальщик оказался москвичом, студентом, приехавшим в Батуми с группой туристов. Этот студент был последним человеком, которого спас Мамед Бедия, тогда старик восьмидесяти двух лет от роду.

Полвека проработал Мамед Бедия на Батумской спасательной станции и спас четыре тысячи шестнадцать человеческих жизней!

Невозможно удержать в памяти даже малую часть всех случаев, когда спасатель Бедия оказался чьим-то спасателем. Лишь некоторые эпизоды запечатлелись на всю жизнь, долго жили в цепкой стариковской памяти, имеющей свои закоулки...

В августовский вечер, когда солнце окунулось в неспокойное море, на взморье появились три девушки. На мачте спасательной станции уже был спущен флаг, обтрепанный ветрами.

Бедия собирался домой, но три далёкие купальщицы привлекли его внимание и он решил выкурить ещё одну сигарку, сидя на перевернутой шлюпке, – всегдашний наблюдательный пункт.

Краски моря быстро темнели, видимость ухудшалась но он не сводил настороженного взгляда с купальщиц. Сперва, доносился звонкий смех, весёлые выкрики, затем стало тихо. Почему так долго не выходит на берег одна из подруг? Её голова то показывалась между гребнями волн, то исчезала. На берегу поняли, что с подругой творится что-то неладное; одна из девушек бросилась на помощь.

Едва она успела подплыть к тонущей, как та судорожным движением схватила подругу за руки и стала тащить с собой на дно.

Бедия бросил недокуренную сигарку и быстро разделся.

Не умея спасительница успела крикнуть до того, как потеряла сознание.

На подмогу кинулась в воду третья подруга. Бедня был ещё далеко, но крик слышал хорошо. Он схватил спасательный круг и побежал со всех ног по прибрежной гальке. Он бежал, не спуская глаз с того места, где в последний раз видел тонущих.

Он знал, что молниеносная схватка, которая разыгралась между двумя подругами, – схватка не на жизнь, а на смерть, потому, что одна из двух девушек уже ослеплена страхом и каждое её движение безрасчётно, опасно.

Он успел заметить, что третья девушка, та, которая бросилась в воду последней, – с длинной косой, рыжеволосая.

Но и попытки девушки с рыжей косой спасти подруг, были безуспешны. Она быстро выбилась из сил, пытаясь оторвать руки подруги, чей разум помрачил страх. Очевидно, и третьей девушке стало плохо, она тоже пошла ко дну.

Мамед успел добежать до того места, где тремя беспорядочными, пёстрыми кучками сиротливо лежала на галке девичья одежда. Он набросил свою красную косынку на какую-то корягу, выброшенную морем, – чтобы легче было ориентироваться, находясь в море. Волны шли против обыкновения под острым углом к берегу – порывистый северный ветер изменил тече-

ние. Этого, по-видимому, не учла первая купальщица, она пыталась выплыть на берег наперекор течения. А ведь в бурном море короткое расстояние бывает и самым длинным, иногда бесконечным. Итак, Мамед ещё раз оглянулся на опознавательный знак – корягу – и бросился вплавь. Ещё не совсем стемнело, и он издали различил в воде тёмное пятно – волосы одной из купальщиц, ушедшей под воду.

Туда полетел спасательный круг, снятый с плеча и брошенный сильной опытной рукой, а через десяток секунд рядом с кругом очутился Мамед. Он подплыл к двум девушкам, чьи полуживые тела избивала волна. Одна, чёрноволосая судорожно схватила другую, короткоостриженную, за руки и лишала её возможности что-нибудь сделать для спасения. Их нужно срочно вытащить на берег!

Но если выплыть с ними на берег, трудно будет установить место происшествия. Ведь где-то поблизости находится третья купальщица, та, которая покинула берег последней. И если её не найти сейчас, поиски окажутся запоздалыми, безуспешными. Не так легко будет, ориентируясь лишь по красной косынке на коряге, найти это самое место, когда море не знает покоя, когда волны ходят взъерошенные, с белыми гребнями.

Вечерняя полутьма затруднила задачу. Батумские вечера вообще очень торопливые, ну, а в тот августов-

ский день Мамеду казалось, что свет слабеет быстрее, чем обычно. Словно какой-то злой волшебник крадёт у него драгоценные секунды и хочет затруднить Мамеду и без того трудную задачу.

А может быть пожертвовать той, третьей жизнью, ради этих двух? Ведь неизвестно, сколько времени уйдет на поиски третьей подруги и не заплатят ли эти две своими жизнями за его попытки спасти ту, третью?

Мамед не стал разжимать судорожно сжатых рук черноволосой купальщицы. Он привязал её за волосы к спасательному кругу. И, потеряв сознание, черноволосая девушка мёртвой хваткой продолжала – как только умеют утопающие – держать свою короткоостриженную подругу за руки, выше запястий. Таким образом обе девушки не могли пойти ко дну.

Он нырнул на поиски третьей подруги, которая покинула берег последней.

Хотя дело происходило всего метрах в двадцати от берега, глубина там была большая. Нырнул раз, другой – очевидно, купальщицу отнесло течением дальше, чем он рассчитывал. Он сам был близок к обмороку, когда ему удалось, наконец, обнаружить в почти чёрной воде тело девушки. Она лежала ничком на дне, усеянном крупной галькой. Он подтащил рыжеволосую девушку к спасательному кругу.

Кого спасать в первую очередь?

Конечно, легче всего вытащить рыжеволосую. Длинная коса всегда облегчает спасение. Но дело в том, что рыжеволосая вошла в море позже других, меньше наглоталась воды. Положение её подруг ещё опаснее. Значит, сперва нужно вытаскивать кого-то из двух, привязанных к спасательному кругу. Легче бы ту, черноволосую, она стала тонуть первой. Но как тогда удержать на воде короткоостриженную? Значит, её и следует вытащить в первую очередь.

Он привязал к тому же кругу рыжеволосую, одним рывком разомкнул руки девушки с чёрными косами, отнял у неё подругу и, не теряя ни секунды, поплыл с ней к берегу.

Он плыл, обняв руки на безжизненные плечи. Он плыл из последних сил, то и дело глядявываясь в красную косынку на прибрежной коряге. Он вовсе не старался выплыть к тому месту, косынка лишь указывала ему направление – выплывать следует южнее, используя течение. Северный ветер гнал волну именно в том направлении.

На берег уже сбежалось несколько человек. Один из них умело нырнул под волну, подплыл, принял бездыханное тело из рук спасателя и вытащил короткостриженную девушку на берег.

Мамед стремительно повернул назад, туда, где то скрывался, то показывался за волной спасательный круг с двумя купальщицами, привязанными к нему.

Через минуту-две он уже плыл к берегу, борясь со штормовой волной, толкая плот с живым (или неживым?) грузом, таща его за собой из последних сил.

И снова ему помог у берега неизвестный доброволец, он отвязал одну из девушек, взял её на свое попечение. Бедия успел сказать, чтобы тот скорее вытаскивал девушку с черными косами – она дольше без чувств. Сам Бедия настолько обессилил, что с трудом выбрался на берег со спасательным кругом, к которому была привязана рыжеволосая девушка.

Он сдал её на попечение собравшейся толпе, а сам упал на прибрежную галку. Его подмывало волнами, волны жестоко били его о камни, но у него не осталось сил, чтобы встать и сделать несколько шагов. Какие-то люди оттащили его от моря, ещё кто-то принёс косынку.

Он помогал советами, когда делали искусственное дыхание и возвращали к жизни последнюю из трёх, рыжеволосую девушку. Двух её подруг уже откачали, вывели из чёрного бессмятства – едва не порвалась тоненькая-тоненькая нить, которая связывала их с жизнью. Ещё одна-две минуты в воде, которой они наглотались, – и конец...

Позже Мамед сидел в стороне и курил сигарку. Он смутно слышал счастливый плач чьей-то матери, гортанные выкрики несущиеся из толпы. Мыслями он всё ещё был в штормовом море, у спасательного круга...

Много опасностей подстерегает спасателя в его отважной работе. Но едва ли не самую большую опасность для него представляет сам утопающий.

Подсчитано, что Мамед Бедия спас 4016 человеческих жизней. Но как подсчитать, сколько раз он рисковал жизнью, сам был на волосок от смерти?

Недаром говорится, что утопающий хватается за соломинку.

Утопающий, чей рассудок помрачён страхом, может судорожной хваткой схватить подплывшего к нему на помощь. Тонуший готов в слепом отчаянии утащить с собой на дно и спасателя. В этой борьбе человек сильной души вступает в поединок со слабовольным; тот уже потерял веру в себя и не верит в человека, который пытается его выручить. И если только сильный ошибется, будет недостаточно острожен, решителен, а если нужно – жесток, слабый погубит и его и себя...

Мамед Бедия никогда специально не изучал приемов джиу-джиутсу, вольно-американской борьбы или бокса, но очень умело и решительно применял эти приемы, если ему приходилось вступить в воду в единоборство с тонущим, перепуганным до потери здравого смысла.

Как обезопасить себя от судорожной хватки утопающего? Нужно подплыть к нему вплотную, но при

этом ни в коем случае не позволить ему обхватить себя, уцепится за руки. Особенно опасно, если тонущий повиснет на спасателя сзади, а тем более – схватится за его шею.

В такие моменты нечего стесняться в выборе средств самообороны, не время думать о вежливости и обходительности. Иногда полезно сильно ударить тонущего коленом в живот, упереться ногой ему в подбородок, ударить затылком в лицо, скрутить назад руку, провести прием, который борцы называют «полунельсон с ключом». Нередко Бедия бил кулаком по затылку или ребром ладони по шее, чтобы умерить агрессивное поведение тонущего. Все средства хороши, когда речь идёт о спасении жизни.

Вторая опасность, которая подстрекает матроса морской спасательной станции, – большие глубины.

В наше время спасатели снабжены лёгкими водолазными масками, им нет нужды жертвовать здоровьем и жизнью, когда они ныряют на большие глубины. Кислородный прибор полностью изолирует органы дыхания от окружающей среды. В баллоне – запас кислорода, необходимый для дыхания, а углекислота поглощается в приборе особым химическим составом.

А в былые времена ныряльщик мог рассчитывать только на свое здоровье, на тренированность, на способность организма переносить давление толщи воды на больших глубинах.

Острая боль в ушах хорошо знакома ныряльщику. Когда человек ныряет на большую глубину, барабанные перепонки испытывают огромное давление – буд-то в каждое ухо вставлено по сверлу и острия их ввинчиваются всё глубже.

Мамед Бедия обладал богатырским здоровьем и в совершенстве владел опасным искусством идти ко дну.

Ему приходилось, например, искать на глубинах якорь, который оборвался у корабля во время шторма. Обычно, такие якоря искали «кошкой», которой обшаривали дно в надежде, что она зацепит якорь или якорную цепь. Но не всегда «кошка» с её крючками могла выручить. И тогда найти оборванный якорь пытались самые лучшие ныряльщики, такие как Мамед Бедия или его ученик Янго Грамматикопуло. Нужно было достичь дна и привязать к оборванному якорю канат, чтобы поднять его, чтобы выковать новое звено в якорной цепи. Не всегда на корабле бывал запасной якорь. А выходить в открытое море с одним якорем всегда опасно.

Мамед Бедия случалось, доставал со дна моря самый разнообразный груз, ценные предметы.

Лет пятьдесят назад в портовых кофейнях и харчевнях, на лодочных станциях, на пристанях и винных погребках Батуми много пересудов вызвала история с золотыми зубами. Эта история упрочила за Мамедом славу выдающегося ныряльщика.

Ожиревший господин в панаме и чесучовом костюме, агент торговой фирмы Сидеридис и К⁰ нанял на пристани шлюпку. Он решил покататься с барышней после сытного, пьяного обеда. Торговый агент был сильно навеселе и так хохотал, показывая зубы и трясясь грузным телом, что утлая шлюпка ходила ходуном. Он, рассказывая своей барышне анекдоты, сам себе казался очень остроумным. И вдруг у него изо рта выпала вставленная челюсть. Ещё одно неловкое движение – золотые коронки полетели за борт и канули в воду.

Нетрудно представить себе растерянность беззубого кавалера и весёлое смущение барышни. Пассажир сразу приутих и отрезвел. Немало дней пройдёт, пока ему вновь сделают коронки, и он сможет говорить нормально, а не шамкать беззубым ртом. А ему предстояло в ближайшие дни вести переговоры с купцами, бывать в банке, встречаться с деловыми людьми.

Господин этот напечатал в газете «Черноморский вестник» объявление и пообещал награду тому, кто найдёт его золотую челюсть – двести пятьдесят рублей!

Гребец шлюпки запомнил место происшествия, где внезапно оборвался пьяный смех пассажира – дело было в бухте, против таможенных пакгаузов, саженях сорока от пристани.

До глубокой ночи ныряли гребцы и разные доброты в том месте. Все искали золотые коронки, но тщетно – никто не мог достать в том месте дна. Иному удавалось коснуться дна, но тут же вода выталкива-

ла пловца вверх. А для того, чтобы найти золотую чешую на дне, заросшем водорослями, следовало ползать по этому самому морскому дну, обшарить его.

Сперва Мамед Бедия отказался принять участие в поисках. Одно дело рисковать здоровьем ради чужей-то жизни, но ради вознаграждения, установленного богатым господином... Однако чем дольше шли поиски в районе таможенных пакгаузов, тем всё чаще можно было увидеть Мамеда на берегу, среди зевак и праздношатающихся советчиков. У Мамеда появился острый спортивный интерес к этому делу. В конце концов, что постыдного, если, он добудет приз, установленный толстым господином из фирмы Сидеридис и К^о? Часть суммы хорошо бы отдать семье приятеля, портового грузчика Вартана Абрамяна. Вартан – первый в порту силач, но недавно он подымал какую-то непосильную тяжесть, растянул мышцы на спине и временно вынужден отказываться от работы. А беда в том, что ни сам Вартан, ни его многочисленные дети не могли избавиться на это время от аппетита. Восемь голодных ртов просили Мамеда принять участие в поисках, попытать счастья.

Семнадцатилетний сын Мамеда сел на весла, а на дно шлюпки Мамед уложил несколько камней разного размера. Сегодня Мамед одет был несколько странно для ныряльщика – трусы и холщевая куртка без рукавов, туго подпоясанная кожаным поясом.

Мамед нырнул налегке, но дна достать не смог – лишь коснулся его рукой на какое-то мгновение. Затем нырнул с камнем, прижатым к груди. Но в этом случае руки его оставались заняты, – как теперь раздвигать водоросли на дне, шарить по дну? Тогда Мамед заложил несколько камней за пазуху, так ему легче было идти на дно, и его не так выталкивала наверх толща воды. Он нырял, всплывал, судорожно глотал воздух, спешил отдышаться, снова нырял, положив за пазуху ещё камень в придачу к тем которые там лежали, и снова принимался за поиски.

К тому времени толпа любопытных на берегу уже схлынула, все решили, что задача невыполнимая. Конечно, награда обещана большая, но увы!..

После многих попыток, каждая из которых была мучительна и опасна, ныряльщик нашёл, наконец, золотую челюсть. Она лежала на каменистом дне, выстланном мхом и водорослями, поблескивая в жёсткой зелённой глубине. А помогли в этой находке рыбы, стайка барабулек. Одновременно с ныряльщиком их очень заинтересовал невиданный блестящий предмет, лежащий на дне, и они кружились вокруг него.

На следующий день в местной газете появилась заметка: «Пожелавший остаться неизвестным господин, который уронил в море золотые коронки, приглашается зайти за ними на спасательную станцию Бурун-Табие к матросу Мамеду Бедия». Торговый агент не за-

ставил себя долго ждать. В тот же день он примчался на станцию, прошамкал беззубым ртом слова благодарности, потом тяжело вздохнул, достал бумажник и, страдая, отсчитал ассигнации.

С какой же всё-таки глубины достал Бедия золотую челюсть господина из фирмы Сидеридис К⁰?

Спустя много лет, для того, чтобы выяснить это, капитан Батумского порта Климентий Коронадзе (которому, кстати сказать, Бедия когда-то в детстве тоже спас жизнь), предоставил в распоряжение представителя ОСВОДа и корреспондента свой катер, дело было в сентябре 1939 года. Несколько человек выехало к месту давнего происшествия. И престарелый Мамед, старожилы порта хорошо запомнили это место напротив старых таможенных пакгаузов, где некогда нырял Мамед – плавучий буй помог ориентироваться. Меджид, которого отец взял с собой, молча подтвердил – вот здесь стояла шлюпка, вот здесь нырял отец с камнями за пазухой.

Бросили лот, измерили глубину – она достигала в том месте двадцати метров.

Да, умение идти ко дну необходимо было каждому, кто посвятил себя опасному и благородному делу спасения на водах или предпринимал поиски на дне моря.

В старое время глухота была профессиональной болезнью ныряльщиков. Она не пощадила старшего

сына Бедия – Меджида, батумского спасателя Николая Критинина и ещё нескольких матросов. Только исключительные физические данные помогли Мамеду Бедия, нырявшему на большие глубины, сохранить слух.

5

Происшествие с тремя купальщицами разыгралось в день, когда море было сравнительно спокойно. Значительно труднее и опаснее была работа спасателя во время сильного волнения – тогда на сигнальной матче в порту предостерегающе висели один под другим два чёрных конуса. Такие конусы указывали на приближение шторма.

Крепчает штормовой зюйд-вестовый ветер, который батумские моряки называют «трапезундом». Бьет волна в белом неистовстве и обрушивается на берег. Волна разбивается о прибрежные камни, и её пена отбрасывается назад, на гребень волны, подоспевшей вслед. Волна играючи швыряет большие камни; это уже не крупная галька, а булыжники величиной человеческую голову.

В этот тревожный час суда оттягивались подальше от пристаней, а те, что стояли на рейде, повертывались носом на встречу волне. Если не принять всех мер предосторожности, жестокий шторм порвёт могучие якорные цепи, как гнилой шпагат.

Мамед Бедия помнил штормы, которые разбивали в щепы городские купальни и деревянные причалы. Удары волны, бьющей о волнорез, призваны принимать на себя исполинские кубы с боку на бок, как игрушечные. Соленые брызги бьют в лицо за много метров. Шум прибоя усилен грохотом камней. Гул стоит такой, что нужно напрягать голос до крика, чтобы тебя услышал человек, стоящий рядом. Всё заглушает голос штормового моря.

На мачте спасательной станции уже давно поднят красный флаг – запрет для купальщиков. Но Мамед не покидает своего поста.

Ему приходилось идти на помощь погибающему и в шторм. То мог быть матрос шлюпки, опрокинутой ударом волны, то мог быть пловец, который переоценил свои силы и принёс осторожность в жертву ухарству. Хорошие, но излишне самонадеянные пловцы доставляют спасателям больше хлопот, чем неумелые купальщики, эти хотя бы не заплывают так далеко...

Батумские старожилы называют лишь несколько человек, которые отваживались идти в море на помощь утопающему в шторм, как это делал Мамед Бедия. Среди этих смельчаков были и сын Мамеда – Меджид, спасатели Николай Критинин, Янго Грамматикопуло, Сандро Ткецишвили.

Мамед Бедия (второй слева во втором ряду) со своим пятилетним сыном Руфиком
в кругу друзей и учеников Батумского порта. 1930 г.

Кто-нибудь из очевидцев происшествия сделает в старом журнале спасательной станции запись – сам Мамед Бедия не умеет писать по-русски – с лаконичным примечанием: «Помощь оказана при шторме в семь баллов». Но лишь тот, кто был очевидцем происшествия, может оценить меру доблести спасателя.

Только пловец, досконально знающий капризы и паводки штормового моря, сумеет войти в воду, одолеть эту белую стену прибоя, яростного и опасного. Даже очень хороший пловец, незнающий характера местной волны, будет отброшен морем назад, на берег, его выбросит как щепку и в лучшем случае он отделается тяжёлыми ушибами. Нужно изловчиться и нырнуть под волну сразу после того, как она обрушила на камни свой белый гребень и, обессиленная, откатывается назад, от берега.

Нужно знать поведение волн, нужно определить их характер. Волны меняются в зависимости от направления ветра и ведут себя по-разному в разных местах побережья.

Ещё одна трудность – невозможно бывает перебросить спасательный круг через высокую волну. Следует также иметь в виду, что при шторме бесполезно искать тонущего там, где его видели в последний раз. Нужно учесть и направление ветра, и силу волны, и течение, чтобы броситься не вдогонку за утопающим, а наперерез ему.

Найти в штормовом море погибающего, добраться до него – этим задача по спасению не решается. Нужно ещё транспортировать спасённого.

И, наконец, ещё одна, может быть, самая большая, трудность – выбраться в штормовую погоду на берег.

Подплывая во время шторма к берегу, Бедия всегда выбирал волну послабее, и держался за её гребнем. В самый последний момент – его следует выбрать очень точно, счёт идёт на мгновения – пловец, который спрятался за гребнем волны, вытягивается в сторону, делает сильный нырок в воду, наискось к движению волны, а потом стремительно выбегает на берег. Окажись пловец на гребне волны – он будет брошен на камни

*Мамед Бедия с сыном Руфиком среди моряков
Батумской лодочной станции. 1930 г.*

с убийственной силой. А замешкайся пловец при выходе из воды, не сделай нескольких поспешных шагов по мелководью – и волна, идущая следом, заграбастает его обратно, отторгнёт от твёрдой почвы, на которую он только что ступил.

Но мало самому выйти невредимым из штормового моря. Нужно ещё доставить на берег спасённого, убедить его от ушибов о прибрежные камни. Такие ушибы особенно опасны для спасённого, который находится в полубессознательном состоянии или лишился сознания вовсе.

Каким же образом можно во время шторма вытащить на берег утопающего? В таких случаях Бедия вместе со своим беспомощным спутником, предпринимал заплыв в открытое море. Подальше от берега от его камней! Бедия огибал мыс Бурун-Табие. Волны штормового моря разбиваются о берег мыса, обращённый к открытому морю. Значит, нужно обогнуть оконечность мыса, миновать волнорез, завернуть в бухту. Там даже в злой шторм более спокойно. По сравнению с открытым морем здесь тихая заводь. Можно безбоязненно выплывать на берег вместе со спасённым.

6

В начале девяностых годов прошлого столетия богатые посетители одного из кофеен заключили между собой крупное пари – одни утверждали, что Мамед Бе-

дия проплывёт из Батуми до Поты, другие оспаривали его. Если считать по прямой, предстояло проплыть пятьдесят шесть километров.

В случае успеха для пловца установили приз двести рублей. Его будет сопровождать лодка. Кроме того, пловец подкрепит в пути свои силы.

Помимо Мамеда Бедия, ещё несколько человек желало участвовать в проплыве. В назначенный день и час на мысе Бурун-Табие, неподалеку от волнореза, собрались смельчаки, которые решили попытаться в этом невиданном заплыве.

Мамед Бедия смазал тело бараньим жиром, на голове – красная, изрядно выцветшая косынка. Он несколько дней не брал весел в руки, как следует отдохнул, накопил силы.

На мысу собралось немало любопытных. Среди публики были иностранные моряки, пришли «отцы города», завсегдатаи кофеен, чиновники из таможни, священник, сотрудники местной газеты. Был и фотограф с громоздким ящиком на треноге и с чёрным покрывалом, под которым он скрывался, прежде чем нервным голосом кричал «спокойно господа» и нажимал на грушу.

Заплыв начался в хорошую погоду и при спокойной волне. Дул лёгкий юго-западный ветерок, он был на руку пловцам в их путешествии, усиливал попутное течение.

Однако едва из глаз скрылась макушка маяка на мысе Бурун-Табие, началась зыбь. И пловцы, и гребцы сопровождающих шлюпок испытывали все большие затруднения. Один за другим пловцы выходили на берег или забирались на лодки – кто в Махинджаури, кто на Зелёном мысу, кто в Цихисдзире, кто за Чакви. Несколько человек добрались до Кобулету.

Повернула к берегу и лодка, которая сопровождала Мамеда. Однако, несмотря на настойчивые приглашения лодочников, он из воды не вышел и продолжал плыть. Позже его искали на побережье Чакви и не нашли, его поджидали в Кобулету, но там он на берег тоже не вышел.

Увы, теперь он лишён был возможности подкрепиться в пути, на что так рассчитывал. Ведь всех обещали кормить во время проплыва. В лодке были и груши, и хурма, и горячий кофе. Да, Аллах с ним, с кофе. Сейчас и несколько глотков ледяной воды ручья Соук-Су были бы лакомством! Ни к чему оказалось и предупреждение устроителей проплыва – принимая пищу пловец не имеет права залезать в лодку и даже держаться рукой за её борт. Видимо, у Мамеда уже начались галлюцинации, потому, что, чем дальше к берегу уходила его лодка, тем явственней до него доносились аппетитные запахи кофе и фруктов...

Конечно, пловец чувствует себя увереннее, когда видит, хотя бы в туманной дымке, очертание берега, –

легче ориентироваться. Но если бы Мамед стал сейчас прижиматься к берегу, дистанция проплыва неминуемо удлинилась бы ещё на какие-то километры – линия берега здесь весьма извилистая. Поэтому Мамед взял ещё «мористее», берег надолго скрылся из глаз.

Несколько раз его настигали косяки дельфинов – старые знакомые по далёким морским прогулкам; они миролюбиво кувыркались рядом.

У Мамеда ослабели руки, ноги, но он продолжал продвигаться вперёд. Он всё чаще менял стиль плавания – то плыл на спине, то русскими «саженками», то тем стилем, который иностранные называют «трёх-жен», то есть на боку.

Заплыв начался рано утром, весь день Мамед пробыл в беспокойном море. Была глубока ночь, когда одинокий пловец приблизился к берегу. Он увидел в дали маяк и левее тусклые огоньки Потти. Близкий берег придал силы измученному пловцу. Один прибрежный огонь был ярче других, и Мамед взял курс на него. Наконец, удалось разглядеть – горит костёр. Вот Мамед, после многих часов пребывания в воде, нащупал ногами илистое дно. Он вышел из воды, сделал несколько шагов и изнеможенный упал на песчаный берег.

Он не успел ещё как следует отдышаться, а уже окоченел. Или потому он продрог, что совсем близко полыхал огонь? Когда в костёр подкладывали охапки

сухого тростника, языки пламени взвивались к небу. Шаткие отсеки огня играли на бородатых лицах людей, сидящих у костра. Ну, конечно же, это русские солдаты, а здание, которое смутно виднеется за костром, их казарма.

Мамед поднялся и, пошатываясь, пошёл к костру. На огне стоял котёл, в нем варили уху, манящий запах варева был слышен Мамеду издали, и он сразу почувствовал ту степень голода, от которой подкашиваются ноги и начинает кружиться голова.

Люди у костра не видели человека, пока он не приблизился вплотную; он возник из темноты внезапно. А гул беспокойного моря сделал неслышными его шаги.

Человек в трусах и в косынке с трудом держался на ногах. Он подошел и по восточному обычаю церемонно поклонился.

– откуда пожаловал? – строго спросил бородач, лежавший ближе всех к огню.

– Батуми, – ответил Мамед, не вдаваясь в подробности.

– А где твоя лодка? Бородач тщётно вглядывался туда. Где шумел прибой.

– Нету лодка.

– Солдаты, которые полулежали – полусидели вокруг костра, приподняли головы. Кто-то вскочил на ноги, не в силах сдержать крайнего изумления.

– Твоя лодка утонула? – донесся вопрос из темноты.

- Рыбак?
- Заблудился?
- Беглый?

Это все допытывался бородач.

Мамед отвёл все его подозрения и пояснил:

- Из Батуми плыл. На интерес...
- Какой – такой интерес?
- Большой, очень большой интерес...

Солдаты усадили голого человека поближе к огню, кто-то накинул ему на плечи шинель, его стали потчевать ухой и кашей.

Оказалось, Мамед находится среди солдат Потийского пехотного полка. А казармы полка стояли на поляне, на северной окраине города. То были гиблые места; немало русских солдат ежегодно умирало в болотах Колхиды от злой лихорадки.

Нашёлся офицер, грузин в чине штабс-капитана. Он расспросил Мамеда о всех обстоятельствах его появления в расположении полка.

Штабс-капитан убедился, что перед ними на самом деле спортсмен и письменно удостоверил время окончания проплыва и место, где Мамед Бедия вышел на берег. Бумага была написана по-русски и скреплена сургучной печатью, её поставили в штабе полка, в соседней казарме.

Штабс-капитан, солдаты и не подозревали, что в тот день был установлен мировой рекорд дальнего

проплыва. Мамед Бедия проплыл тогда около 32 морских миль, т.е. около 56 километров, и произошло это до того, как французский булочник Мишель впервые пересёк Ла-Манш.

Солдаты собрали и вручили незнакомцу из Батуми три рубля серебром. А штабс-капитан вызвал каптенармуса и приказал выдать старую шинель и сапоги.

И вот человек в красной косынке и в солдатской шинели, надетой на голое тело, с узелком в руке – снесь на дорогу – зашагал по сухопутью обратно в Батуми.

Потийские болота заставили Мамеда пойти в обход, так что он надолго потерял из виду море.

Он вновь появился в Поти через несколько дней. Его привезли туда рыбаки. Фелюга пристала к берегу у солдатской казармы, Мамед сошёл на берег, держа в обеих руках по узлу. В одном узле была солдатская шинель и сапоги, а в другом – гостинцы для солдат. Судя по гостинцам, пловец получил обещанный приз в портовой кофейне; он сдал туда бумагу с сургучной печатью.

Самым ценным гостинцем был хинин, который он привёз для солдат, страдавших от лихорадки. Что же касается шинели и сапог, то Мамеда подвело плохое знание русского языка, он не понял штабс-капитана – обмундирование дано не на время, а подарен⁵. Мамед увёз шинель и сапоги домой.

⁵ Мамед плохо владел и грузинским языком.

О рекордном проплыве Мамеда Бедия узнали многие батумцы – матросы, грузчики, рыбаки, жестянщики и паяльщики с заводов Манташева и Ротшильда, посетители духанов, харчевен и кофеен. Однако дальше Батуми весть тогда не распространилась. Остался в полной безвестности и пловец, хотя имя его по праву должно было войти в историю плавательного спорта.

Много лет спустя, в 1912 году преподаватель французского языка Леонид Алексеевич Романченко проплыл 48 километров по Каспийскому морю от Шиховой Косы до Баку. Романченко выпросил у торговой фирмы «Проводник» буксир, который сопровождал его в море. Романченко, так же, как Бедия, плыл без всякого врачебного контроля. Победитель проплыва Л.А. Романченко получил одну поздравительную телеграмму – от содержателя цирка из Ашхабада. Друзья угостили Романченко пивом, этим торжество и закончилось.

Всё же имя Л.А. Романченко приобрело известность в спортивном мире. У Мамеда даже хранилась фотография Л.А. Романченко, на ней был изображен грузный человек с бочкообразной грудью и добродушным лицом.

А кто, кроме нескольких батумских стариков, помнит о заплыве Мамеда Бедия? Шинель солдата Потийского пехотного полка служила Мамеду единственным напоминанием о проплыве в Потии.

В старом уставе Общества спасения на водах (ОСВОД) говорится: «В посредственной работе по спасению жизни людей проявлять выдержку, твёрдость воли, находчивость, расторопность и самоотверженность».

Полвека трудился Мамед Бедия и всю жизнь свято следовал этой заповеди. Тому же учил он своих помощников.

Старший сын семидесятилетний Меджид Бедия, проработал на спасательной станции Приморского бульвара двадцать лет. После ныряния на большие глубины Меджид потерял слух, тяжело заболел и был вынужден бросить работу. На счёту Меджида Бедия значится шестьсот спасённых.

В императорском российском обществе спасения на водах жизненный подвиг Мамеда Бедия не был оценён по заслугам, точно так же, как не были оценены его выдающиеся достижения по плаванию.

Некогда по старому Батуми ходил тучный господин с золотым значком «За спасение утопающих» – эта высшая награда Общества спасения на водах. Кто же это был? Какой-то судовладелец из тщеславия, а может быть для рекламы своей фирмы, внёс значительные пожертвования в императорское российское общество спасения на водах. За это он получил право носить почётный золотой знак с изображением якоря

Мамед Бедия с супругой и племянниками: слева – Ш. М. Абдиба, справа – О. М. Абдиба. Нач. 30-х годов.

*Мамед Бедия (слева первый) в гостях, в Кремле, у председателя ЦИК СССР
М. И. Калинина. 14 июня 1940 г.*

и спасательного круга, хотя может быть сам при этом страдал водобоязнью. А Мамед Бедия так и не получил в свое время этой высшей награды – затерялись бумаги, посланные в далёкий Санкт-Петербург⁶.

Только при Советской власти спасения на водах было признано делом государственной важности. Общество перестало зависеть от подачек и подаяний благотворителей, оно перестало вести нищенское существование.

В 1926 году общество спасения на водах СССР, «отмечая самоотверженность, отвагу и мужество, сопряженные с явным риском для собственной жизни», наградило Мамеда Бедия золотым знаком №1 за спасение утопающих. В следующем 1927 году он был награждён орденом Трудового Красного знамени ЗСФСР «в воздаяние заслуг Мамеда Бедия перед рабочими и крестьянами на поприще мирного труда».

Я познакомился с Мамедом Бедия в 1939 году, ему было тогда восемьдесят семь лет от роду. Однако его никак нельзя было назвать дряхлым; он сохранил слух и хорошее зрение, а руки его были не по-стариковски сильными. Он носил китель с блестящими пуговицами и не разлучался с моряцкой фуражкой. Держался прямо, старость не согнула ему спину.

Утро мы обычно проводили со старим Мамедом за беседой в портовой кофейне, затем направлялись к морю.

⁶ По рассказу Энвера Бедия, ОСВОДом России Мамед был награжден и золотой, и серебрянной медалями.

*Мамед Бедия со своими гостями из Москвы – Надежда Гелазалова-Варнаба, ее дети и внучка. Надежду Мамед спас в 14-летнем возрасте.
Журн. «Огонек», №42, 1949 г.*

Он шагал через город, отвечая на приветствия и поклоны, – его знал весь город. Некоторые прохожие долго жали ему руку, выказывали всевозможные знаки внимания, и по всему было видно – ему эти люди чем-то обязаны. Очень возможно, старик некогда спас жизнь прохожему или его сыну, дочери, внуку...

По Приморскому бульвару он шагал ещё медленнее, и галька тихо шуршала под его ногами. Дойдя до конца бульвара, он садился на скамейку и отдыхал в тени раскидистой магнолии.

За год до Великой Отечественной войны, 14 июня 1940 года старейшего спасателя страны принял в Кремле Михаил Иванович Калинин.

Я виделся с Мамедом Бедия после того как он возвратился из Москвы, где был в первые в жизни. И мы вновь вспоминали дела давно минувших дней. Он был по-прежнему несловоохотлив, но множество интересных подробностей, связанных с работой, хранила стариковская память.

Иногда Мамед направлялся к спасательной станции. Он придирчиво проверял – достаточно ли зорко следят матросы за побережьем, на котором, как всегда в жаркий день, полным-полно купальщиков. После того, как старик убеждался, что на станции всё в порядке, он сам лез в воду. До войны не бывало дня во время купального сезона, чтобы Мамед отказался от

*Энвер и Руфик –
сыновья М. Бедия.
Батуми, 1941 г.*

*Кемран Бедия – внук
Мамеда Бедия.
Батуми, 1986 г.*

морской ванны. По его глубокому убеждению, именно поэтому он никогда не болел.

В последние годы Мамед по-прежнему не отказывался от приглашения зайти в кофейню. И перешагнув за сто лет, Мамед Бедия держался не по-стариковски прямо.

А вот на прогулку до моря он теперь отваживался не каждый день. Но если шёл проведать море, то подходил совсем близко к воде. Купаться он уже не мог, но подолгу стоял на берегу, так что соленые брызги били ему в лицо и его освежала водяная пыль прибоя.

Последние годы Мамед прожил в разлуке с морем, редко когда добредал до Приморского бульвара. Он уже снял свой вылинявший китель, с блестящими пуговицами и моряцкую фуражку, теперь голова его была повязана башлыком.

Он выходил из дому и долго стоял возле ворот, обратив лицо к морю, невидимому за домами и за деревьями. Он прислушивался к морю даже тогда, когда никакого шторма не было и вода лежала в ленивом голубем покое, – будто мог услышать море из далека.

Вечный голос моря так много говорил в стариковской памяти, море заставило по-молодому биться столетнее сердце.

*Газ. «Батумский рабочий».
№№ 117 – 119 (14, 16, 17 июня) 1962 г.*

Из воспоминаний Энвера Мамедовича Бедия

Среды множества людей, спасенных Мамедом Бедиа, была и дочь иранского Шаха. Это случилось где-то в начале XX века. Она гостила у дяди – брата отца, который служил в то время Консулом Ирана в Батуми. Вечером, когда отдыхающие и местные жители стали покидать приморский пляж, появилась группа молодых женщин в сопровождении охраны. Увидев новых посетителей, отец остался на своем посту. Скоро, по правилам восточной традиции, охрана отстала от женщин, а те, под прикрытием темноты, решили искупаться в теплом море. Но через несколько минут раздался оглушительный крик женщин... просьба о помощи. Отец, зорко следивший за происходившим, за считанные секунды оказался рядом с утопающей, которая, успев наглотаться воды, шла ко дну моря в 10–15 метрах от берега. Спасенная оказалась дочерью иранского Шаха.

Через несколько дней, отца пригласил Глава города к себе, где, в присутствии всего городского начальства, Консул Ирана, от имени самого Шаха, поблагодарил Мамеда Бедиа за спасение принцессы и подарил ему «мешок золота». Мне трудно судить какой был по объёму этот мешок, но по рассказу отца, этих денег «хватило всем»; половину денег он передал властям для ремонта городской системы водоснабжения, остальные – раздал соседям, родственникам, друзьям и просто нуждающимся.

*Записал Т. А. Ачугба.
5 марта 1986 года, г. Батуми*

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.....	3
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ	9
Спасение на водах 3.989 жизней.....	9
4016 спасённых жизней	10
ГРАМОТА.....	10
ГРАМОТА.....	12
«Именем Закавказской Социалистической...»	13
«По предложению Саба Орджоникидзе...»	15
«Именем Грузинской Советской...».....	16
ДИПЛОМ	17
Писатель Новиков-Прибой в Батуми	17
Старейший осводовец.....	18
Евгений Воробьёв. Четыре тысячи спасённых.....	18
Из воспоминаний Энвера Мамедовича Бедия.....	60

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЛОВЕЦ-СПАСАТЕЛЬ

Документы и материалы

Составитель и ответственный редактор:
чл.-корр. АН Абхазии **Т.А. Ачугба**

ИЛЕГЕНДАТӘУ АЗСАӨ-АИҚӘЫРХАӨ

Адокументқәеи аматериалқәеи

Аиқәыршәафы, атакзыцхықәыу аредактор:
Ацсны Атцаарадыррақәа Ракадемия
алахәла- корреспондент **Т. А. Ачыгәба**

Компьютерный набор: **Н. А. Шакрыл**
Верстка и техническое редактирование: **Н. Г. Гунба**
Компьютерное оформление фотоматериалов: **Т. А. Кучуберия**
Художественное оформление обложки: **Р. Т. Габлия**
Корректор: **М. Т. Ачугба**

Формат 70x100 $\frac{1}{32}$. Тираж 500.
Физ. печ. л. 2. Уч. печ. л. 2,6.
Заказ № 45.

РУП «Дом печати»
Республика Абхазия
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

2. *T. Ачыгба* 2*

3. *T. Ачыгба* 3*

4. *T. Ачыгба* 4*

5. *T. Ачыгба* 5*

6. *T. Ачыгба* 6*

7. *T. Ачыгба* 7*

8*

9*

9*